

Содержание

Часть первая.

<i>Всегда земля</i>	7
1. Ушла в землю	9
2. Невидимая	15
3. Nireth	28
4. Бежать	40
5. Доверие	59
6. Гореть	84
7. Дышать	96
8. Без боли	111

Часть вторая.

<i>Подталкивает море</i>	115
9. Материя	118
10. Антиматерия	139
11. Электромагнитное	162
12. Свет	175
13. Масса	186
14. Вода	198
15. Воздух	207

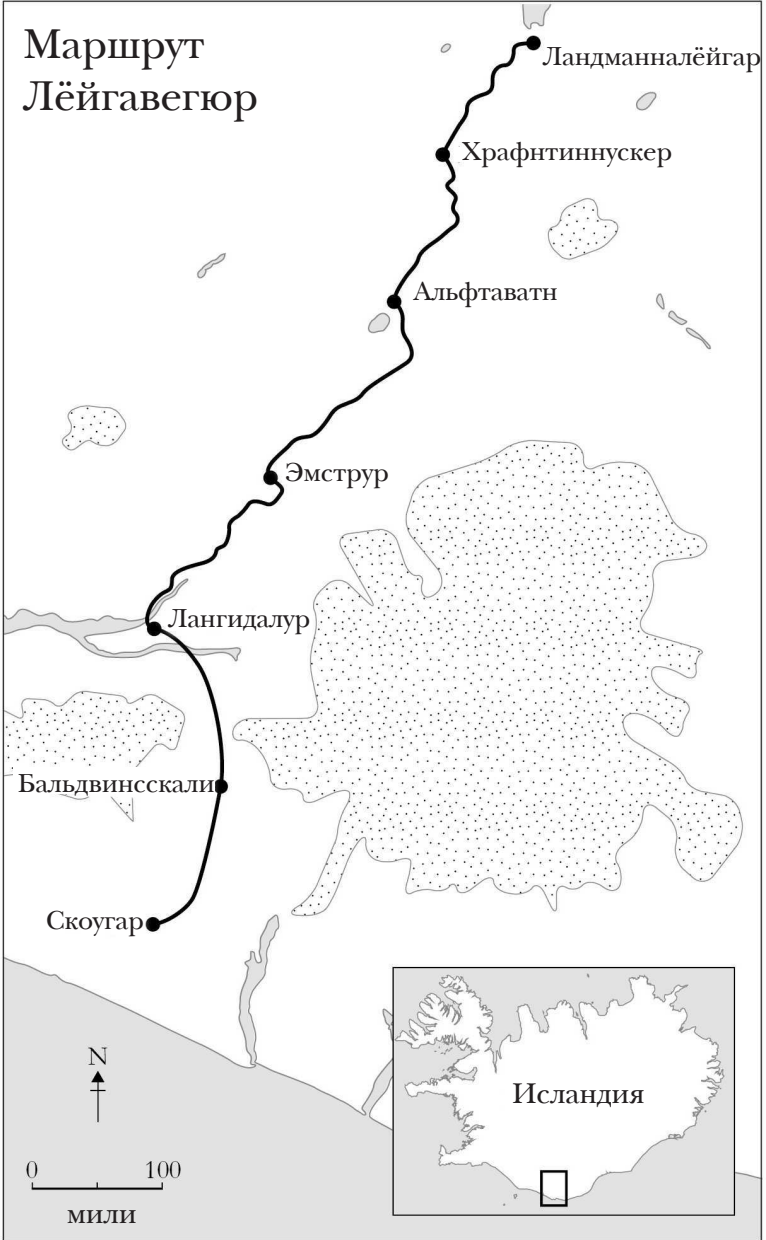
Часть третья.

<i>За ивовые деревья</i>	221
16. Прыжок.....	223
17. Земля	228
18. Единственная косуля	243
19. Хорьки	253
20. Крысы	264
21. Кроты.....	278
22. Барсуки	288
23. Жабы	296

Часть четвертая.

<i>К началу в конце</i>	311
Ландманналейгар.....	312
Храфнтиннускер.....	337
Альфатавн	356
Эмструр	376
Лангидалур.....	385
Бальдвинскали.....	399
Скоугар	416
Только перемены.....	423
<i>Об авторе</i>	430

Маршрут Лейгавегюр

/ Часть первая /

Всегда земля

////////

The shell must break before the bird can fly.

The Promise of May, Alfred, Lord Tennyson

////////

Чтобы птица смогла полететь,
должна расколоться скорлупа.

Альфред Теннисон, Обещание весны

I can hear the voice, but I don't know what it's saying.
Somewhere deep in my brain,
a noise between the rush of blood and electrical
charges, a sound, or is it
a feeling?
It's dark and low, a voice like a hum of words
rising from a hundred throats,
or the beat of a drum in tune to feet on hard earth,
or one bird call
long and low at dusk as the light dips below
a ridgeline
and the land becomes blue.

////////

Я слышу голос, но не разбираю, что он говорит.
Где-то в самой глубине мозга
шум — что-то среднее между пульсацией крови
и электрическим разрядом, звук это или
чувство?
Глухой и низкий голос, подобный гудению слов,
поднимается из сотен глоток,
или стук барабана в такт шагам по твердой земле,
или птичий крик,
протяжный и тихий, раздается в сумерках, когда
свет уходит за кромку скал,
и суша становится синей.

Вообще-то перед рассветом первого января нового года я должна была спать в своей кровати, как все нормальные люди, а не стоять на промерзших камнях на вершине скалы. Но, открыв глаза в темноте зимней ночи, я ощутила все ту же тревогу, которая уже много месяцев не давала мне спать, услышала тот же шепот в ушах, и мне пришлось встать и пойти...

...по глухим узким улочкам Полруана, где в домах были задернуты шторы и царил покой. Веселые толпы, фейерверки и шум исчезли. Вернулась темная тишина, ее нарушали лишь лужицы света от фонарей и ощущение, что где-то рядом движется река, широкая и глубокая здесь, в устье, увлекаемая вглубь материка силой прилива, мерцающая тысячей отраженных огней. На причале стояла всего одна лодка, якорная цепь натянута до предела, корма ритмично покачивается в стремительном течении, как рыбий хвост. Я миновала последний дом и вышла на открытое поле. Мне даже не нужен был фонарь. Я так хорошо изучила этот маршрут, что ноги сами привели меня к узкой полоске вытопанной земли, которая петляла между камнями и кустами дрока вверх по грубо вытесанным в породе ступеням, направляясь туда, где суша обрывается в море и разбивается о густую черноту утесов далеко внизу. Дальше, мимо скрюченного

боярышника, согнутого ветром по форме берега. Вверх по растрескавшемуся грунту, почти не видя собственных ног, через калитку туда, где заканчивается подъем и начинается ветер. Береговой линии не было видно, но я знала, что она передо мной. Чувствуя, как она убегает сразу в обе стороны, я широко раскинула руки и слилась с невидимой, выщербленной, такой знакомой линией, мое дыхание превратилось в ветер — и я вместе с ним.

Сойдя с тропы, я прошла через поле к небольшой каменной полянке, окруженной стеной дрока; овцы, прячась от непогоды, вытоптали здесь всю траву. Подходящее место, чтобы остановиться и присесть. Мое беспокойство начало утихать, и я расслабилась, поддавшись усталости. Темнота была плотной и непроницаемой, но ветер свистел в ветвях дрока у меня над головой, принося с собой кисловатый аромат игольчатых листьев, а море гулко и тяжело обрушивалось на скалы внизу, и его удары отдавались в земле ритмичной вибрацией. Я свернулась калачиком, натянула поверх шапки капюшон, засунула руки в перчатках под мышки, и мысли наконец покинули мою голову и растворились в свежем черном воздухе. Голоса в голове утихли, наступила тишина. Я больше не могла думать — только чувствовать, и сдалась власти сна — глубокого короткого забытья.

Забрезжил первый бледный свет, и я вернулась в свое ноющее, затекшее тело, но с места не

сдвинулась, а продолжила лежать, сжавшись в комок и пытаясь сохранить последние остатки тепла. Сквозь серость у меня над головой скользнула темная тень, ее мощный хвост и широкие длинные крылья лишь чуть качнулись под напором ветра, когда она нырнула за край утеса и исчезла из виду. Я впилась глазами в светлеющее небо, дожидаясь возвращения птицы, смотрела не мигая, чтобы не пропустить его. Голова у меня заболела от усердия, а внимание скользнуло к горизонту, над которым на мгновение проступила тончайшая полоска золотого света, и тут же завеса монотонного дождя далеко в море заслонила от меня это сияющее чудо. Тогда птица бесшумно появилась вновь, безо всяких усилий взмыла в небо и зависла над кустами, покрывавшими мыс. Видимо, искала, чем бы позавтракать. Ее темная спинка и крылья с черными кончиками почти сливались с низким небом; только белая полоска над хвостом выдавала в ней луня.

Я выпрямилась, морщась от тупой боли в суставах, и выползла из дрока как раз вовремя, чтобы увидеть барсука, который сошел с береговой тропы и пробирался по полю к ближайшим зарослям. Его коротенькие толстые лапки быстро семенили по клочкам травы. Рассвет застал его, по-зимнему заторможенного, врасплох; ему давно пора было спать. Голод выгнал его в холодную ночь, но теперь ему нужно было вернуться в нору, глубоко под землю, где безопасно и тепло. У широкого входа в свой туннель он на секунду задержался, огляделся

и потянул носом воздух. Затем исчез, ускользнул в невидимый безопасный мирок. Ушел в землю.

В тусклом сереющем свете я выбралась на край скалы и села, свесив ноги. На краю суши и у начала моря. В пространстве между мирами, во времени между годами, в жизни между жизнями. Я потеряна, но здесь, хотя бы на секунду, могу найти себя.

Назад через деревню, где все еще было совершенно тихо. В Фоуи, на другом берегу реки, светилось несколько окошек. Люди сонно варили кофе, прибавляли отопления и возвращались в свои постели. Я прошла по узким, как тропа, улицам к нависающей громаде церкви, толкнула железную калитку и пробралась по мощеному проходу между стеной и скалой. Вошла в узенькую квартирку с обратной стороны здания. Холод пронизывал меня до костей, у меня все болело. Но казалось, что ко мне наконец-то пришло понимание, которое ускользало с того самого дня, когда мы только оказались в этой церкви, впервые прошли через эту дверь. С того дня, когда опустили рюкзаки на голый пол, пройдя тысячу четырнадцать километров пешком, расшнуровали грязные ботинки и попытались заново научиться жить под крышей. Показалось, что я наконец поняла, почему никак не успокоюсь, почему тревожусь и не могу спать. Я заварила чай и отнесла его на второй этаж Моту — человеку, который был моим мужем, любовником и другом вот уже тридцать с лишним лет.

Он лежал, растянувшись на матрасе; дневной свет, который все больше просачивался в спальню через витражные окна, не разбудил его. Его вообще трудно было разбудить; он мог проспять двенадцать часов кряду и все равно не чувствовать себя отдохнувшим. Но я растолкала Мота, и его день начался, как всегда, с чая и двух печенек.

— Мот, просыпайся, мне нужно кое-что сделать.

— Что? Что происходит — почему ты в одежде?

— Мне не спалось.

— Опять?

— Да, и я ужасно устала, но мне нужно кое-что сделать.

Когда я оттащила матрас к стене, туда, где в коробках хранилась наша одежда, на покрытом линолеумом полу освободилось большое пространство. Мы вынули из рюкзака, стоявшего в углу, зеленый чехол, расстегнули его и вытрясли оттуда знакомый нейлоновый сверток. Разворачивая палатку, я окунулась в запах сырости и песка, ветра, дождя и свежего, полного озона и чаячьих криков воздуха. Я оказалась на природе, на земле всех оттенков — рыжего, черного и коричневого, во влажных, поросших мхом лесах и глубоких, скрытых от глаз лощинах.

— Ты поступай, как хочешь, но я, пожалуй, останусь на матрасе. Вообще говоря, я уже снова привык к удобствам цивилизации.

— Хорошо, а я попробую так. Больше не могу не спать.

Я собрала скрепленные изолентой стойки палатки, с нетерпением глядя, как зеленый купол принимает нужную форму. Забравшись в пропахшую сыростью полутьму, я почувствовала прилив радости. Мот пошел налить себе еще чаю, а я затащила в палатку старые, потертые надувные матрасы и спальники и взяла с кровати подушку. Я вернулась. Это то, что мне нужно. Я зарылась лицом в подушку, мир уплыл вдаль, и я с облегчением погрузилась в глубокий сон. Ушла в землю.

Когда заканчиваются рождественские каникулы и студенты неохотно возвращаются в аудитории, мало кому из них уже за пятьдесят и мало кто забывает новое, едва успев его усвоить. Мы стояли на кухне церкви и сверялись со списком перед тем, как отправить Мота в университет. Телефон, кошелек, очки — есть; ключи от фургона — есть; тетрадка со списком дел на сегодня — есть.

— Ну, до вечера.

— До скорого.

И он исчез, хотя какое-то время мне еще было слышно, как он неровным шагом идет по дорожке вдоль церкви навстречу тусклому свету зимнего утра. Закрыв дверь, я вернулась в нашу длинную узкую квартиру, похожую на кишку. Присев к столу с чашкой чая, я задумалась о предстоящем дне. Я дожидалась, пока хлеб выскочит из тостера, и разглядывала книжную полку, ища повод оттянуть тот момент, когда мне придется открыть ноутбук и снова погрузиться в унизительный поиск работодателя, которому нужна сотрудница за пятьдесят без особой квалификации и опыта работы. На маленькой полке стоял случайный набор книг, вынутых из картонной коробки. Несколько разрозненных,

наспех уложенных томов. Каждый раз, глядя на эти книги, я моментально возвращалась в последние минуты перед тем, как мы вышли за дверь нашего дома, чтобы больше никогда туда не возвращаться. Выселенные из дома своей мечты, где мы прожили столько лет, где сдавали флигель отдыхающим, где держали овец и сажали овощи, где растили своих детей, — из дома, который двадцать лет был нашим миром. Был, пока денежный спор со старым другом не привел нас в суд, по итогам которого дом забрали за долги, а нам выдали извещение о выселении. Эти несколько книг, собранные перед тем, как мы закрыли дверь и навеки оставили за ней свою прежнюю жизнь, помнили звук, с которым судебные приставы колотили в дверь, помнили, как страшно было не знать, появится ли у нас когда-нибудь снова крыша над головой, помнили нашу бесконечную тоску. Но если бы я знала, что это окажутся единственные книги, которые мы возьмем с собой в новую жизнь, то, наверное, выбирала бы их повнимательнее. Я вела пальцем по корешкам, разыскивая хоть какую-то возможность мысленно унести из нашей квартиры, из этой церкви. «Определитель грибов» — возможно, но все же не в январе; «Аутсайдер II»¹ — точно нет; «Прогулка длиной пятьсот миль» — книга, которая подтолкнула нас к самому неожиданному приключению нашей жизни. Нет, помочь мне могла только одна книга. «Юго-западная

¹ Outsider II — автобиография британского арт-критика и колумниста Брайана Сьюэлла. — *Здесь и далее фривич. перев.*